

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы

Исследование проведено автором в 2021 г. в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (руководитель – директор Центра социокультурных исследований, д. психол. наук Н. М. Лебедева)

Ссылка для цитирования: Родионов Г. Я. Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 2. С. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

For citation: Rodionov G. Y. Civic identity and acculturation expectations of Muscovites and Tallinn residents: the role of perceived threat. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Родионов Гермоген Ярославович¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

grodionov@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 1057400

Аннотация. В настоящее время Россия занимает четвертое место по притоку мигрантов в мире (официально их количество в стране составляет 12 млн человек), значительная их часть сосредоточена в Москве. В Эстонии приток мигрантов существенно ниже, однако в статусе этнического меньшинства после распада СССР оказалось довольно много русских. На данный момент они составляют почти четверть населения Эстонии (общее число – более 300 тыс. человек). В данном исследовании изучается роль воспринимаемой угрозы как модератора¹ связи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в двух разных этнических группах двух разных стран. Цель исследования – определить, какую роль играет воспринимаемая угроза во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий принимающего населения? Является ли воспринимаемая угроза модератором? Каковы различия роли воспринимаемой угрозы в разных контекстах: со стороны москвичей (этнических русских) к мигрантам и со стороны таллинцев (этнических эстонцев) к русским, являющимся этническим меньшинством? Данное исследование было проведено при помощи социально-психологического опроса в онлайн-формате. Ответы участников опроса определяли уровень гражданской идентичности, воспринимаемой угрозы и аккультурационных ожиданий. Выборка состояла из 214 этнических русских, проживающих в Москве, и 288 этнических эстонцев, проживающих в Таллине. Результаты

¹ Модератор – переменная, которая статистически влияет на направление и/или силу связи независимой переменной на зависимую. Базовая схема эффекта модерации изображена на рис. 1.

исследования показали, что у москвичей модератором связи гражданской идентичности и интеграции является культурная и экономическая угроза, а физическая значима лишь на уровне тенденций. У таллинцев воспринимаемая экономическая угроза оказалась модератором связи гражданской идентичности и «плавильного котла», физическая угроза – модератором гражданской идентичности и «сегрегации», влияния культурной угрозы не выявлено. В каждой группе эффект модерации сработал по-разному. Для москвичей воспринимаемая угроза была связана с установками на интеграцию. У таллинцев она оказалась связанной с двумя стратегиями, которые предполагают полное отсутствие интеграции.

Ключевые слова: гражданская идентичность, воспринимаемая угроза, аккультурационные ожидания, миграция, аккультурация, Россия, Эстония

В России в настоящее время проживают порядка 12 млн мигрантов, что является четвёртым показателем уровня миграции в мире¹, большая часть из них проживает в Москве. В Эстонии же ситуация несколько иная. В этой стране приток мигрантов значительно ниже, однако одной из важнейших проблем становится взаимодействие принимающего эстонского населения с русскоязычным, являющимся этническим меньшинством. В период с 1918 по 1940 гг. Эстония являлась преимущественно этнически однородным государством, где 88% населения составляли эстонцы. С 1945 по 1989 гг. численность населения изменилась: количество коренных эстонцев сократилось с 1 млн до 965 тыс., а неэстонское население выросло с 23 до 602 тыс. человек [20]. Одной из главных целей миграционной политики советского государства было заселение Эстонии путём миграции русскоязычного населения. После обретения Эстонией независимости вектор направления государства сильно изменился: теперь государственная политика Эстонии стала подразумевать развитие эстонской нации, что резко изменило позиции русских, которые внезапно стали восприниматься как этническое меньшинство. Это привело к различным социокультурным и психологическим противоречиям. В 1998 г. был основан Фонд интеграции, который по сей день занимается разработкой и развитием интеграционной политики в отношении этнических меньшинств, а также адаптацией неэстонского населения. Однако до сих пор в стране существует немалое количество русскоязычных лиц без гражданства, не имеющих равных прав наравне с эстонцами [21].

Социальная идентичность определяет значимость ингруппы наряду с эмоциональным значением, которое человек придаёт членству в данной группе, согласно теории Тэшфела [19]. Гражданская идентичность является частным случаем социальной идентичности, где ингруппой, к которой человек чувствует принадлежность, выступает гражданское

¹ International Migrant Report 2019 // Economic and Social Affairs. United States, NY. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

общество. Позитивность данной идентичности может определять характер взаимодействия с другой группой, которая может казаться как дружественной, так и угрожающей [19]. Существует понятие интегральной воспринимаемой угрозы [17], которая влияет на аккультурацию.

В предлагаемой статье планируется изучить, каким образом воспринимаемая угроза со стороны мигрантов (этнических меньшинств) при различных уровнях гражданской идентичности влияет на аккультурационные ожидания принимающего населения (этнического большинства) по отношению к мигрантам (этническим меньшинствам). Меняет ли воспринимаемая угроза характер взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в разных контекстах (москвичи и мигранты, таллинцы и этнические меньшинства)? Каковы главные различия роли воспринимаемой угрозы в двух разных контекстах? Ответить на эти вопросы должно помочь данное исследование.

Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания

Согласно теории социальной идентичности [19], люди склонны воспринимать себя как представителей некоторой группы. При этом, в зависимости от особенностей, приписываемых представителям различных групп, люди могут определять вид социальной идентичности. Например, это может быть этническая идентичность, гражданская, религиозная и т. д. Согласно теории социального доминирования, при высоком уровне единения себя с группой, люди могут считать свою группу более сильной и развитой, чем какую-либо другую [16]. Одни исследования показывают, что гражданская и этническая идентичности непосредственно связаны с процессом аккультурации [7; 14]; другие, – что гражданская идентичность является фактором, определяющим аккультурацию [13; 15], а также выбор конкретных аккультурационных стратегий [24].

Одной из наиболее распространённых классификаций аккультурационных ожиданий является модель Джона Берри [3]. Это некоторые установки, согласно которым принимающее население ожидает определённого поведения от другой группы. Он выделяет три основных типа аккультурационных ожиданий принимающего населения по отношению к мигрантам: интеграция, «плавильный котёл» и сегрегация. «Интеграция» предполагает, что принимающее население будет готово постоянно контактировать с другой группой в едином обществе, при этом позволяя ей сохранить культуру и не требуя перенимать свою. «Плавильный котёл» предполагает, что другая группа откажется от своей культурной целостности и фактически примет культуру доминирующей группы. «Сегрегация» предполагает, что другая группа будет жить в своём параллельном обществе, не пересекаясь с принимающей группой, но сохранив свою культуру. Также существует четвёртый, особый вид аккультурационных ожиданий, называемый «исключением».

Это означает, что другая группа будет исключена из общества, отвергнув культуру и своей, и чужой группы. В этом случае аккультурации как таковой не происходит.

Связь воспринимаемой угрозы с гражданской идентичностью и процессом аккультурации

Существует теория интегральной угрозы, согласно которой угроза может быть реальной, а может быть воспринимаемой [17]. При этом воспринимаемая угроза является важным фактором, предсказывающим характер аккультурационных процессов. Стефан разделяет воспринимаемую угрозу на три компонента: культурную, экономическую и физическую. Воспринимаемая культурная угроза означает угрозу традиционным устоям, обычаям, языку. Экономическая угроза предполагает ущерб экономическому благосостоянию граждан, созданию конкуренции рабочим местам. Физическая угроза подразумевает угрозу жизни и здоровью [18].

Некоторые исследования показывают, что разные уровни выраженности гражданской идентичности могут вызывать различные аккультурационные установки по отношению к другой группе. Кроме того, различные виды идентичности (этническая, религиозная, «европейская») могут оказываться в разной степени угрожающими или безопасными в зависимости от наличия или отсутствия воспринимаемой дискриминации [8], а также в контексте полезности мигрантов в обществе [12]. Было выявлено, что в различных странах разные виды идентичности могут иметь взаимосвязи с воспринимаемой угрозой. Например, в исследовании Леонг [9] на примере пяти стран (Сингапур, Япония, Финляндия, Канада, Австралия) было выявлено, что этническая идентичность постоянно положительно коррелирует с воспринимаемой угрозой. Чем выше уровень этнической идентичности, тем выше был уровень воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов. При этом гражданская идентичность показала положительные значимые связи только в Финляндии, Канаде и Австралии. Таким образом, чем выше оказывался уровень гражданской идентичности, тем выше становился уровень воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов.

Говоря про роль воспринимаемой угрозы в процессе аккультурации, стоит отметить, что уровень межгрупповой напряжённости может формировать и видоизменять аккультурационные установки по отношению к мигрантам [5; 22]. Исследования, проведённые в Канаде, показывают, что у коренных жителей страны не прослеживалось прямой связи гражданской идентичности с негативными установками по отношению к мигрантам. Однако с ростом воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов, с ростом гражданской идентичности появлялись и негативные установки в отношении мигрантов [10]. При этом основная роль часто отводится не физической угрозе, а экономической и культурной [11].

Наше исследование посвящено поиску различий влияния воспринимаемой угрозы со стороны другой этнической группы на взаимосвязь гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в двух разных контекстах. В первом случае мы изучаем, на выбор каких аккультурационных ожиданий москвичей влияет воспринимаемая угроза по отношению к мигрантам. Во втором случае исследуем, как воспринимаемая угроза по отношению к этническим меньшинствам, которые не являются мигрантами, влияет на выбор аккультурационных ожиданий таллинцами.

Методика исследования

Выборка, изучаемая в исследовании, была поделена на две группы. Первая группа включала 214 человек, родившихся и проживающих в Москве, граждан Российской Федерации, которые по этническому признаку являются русскими. Возраст респондентов варьировался от 18 до 35 лет, из них мужчины составляли 80 человек, а женщины – 134. Вторая группа состояла из 288 граждан Эстонии, родившихся и проживающих на территории Эстонии в городе Таллин. По этническому признаку – эстонцы. Возраст участников – от 18 до 45 лет, из которых 152 человека – мужчины, 136 – женщины. В рамках регрессионного анализа проводился контроль по полу и возрасту в обеих группах для того, чтобы исключить влияние пола и возраста в выборке.

Данное исследование проводилось методом социально-психологического опроса. Опросник включал в себя три вида шкал: 1) гражданская идентичность, 2) интегральная воспринимаемая угроза и 3) аккультурационные ожидания принимающего населения. Во всех случаях респонденты должны были оценить степень согласия с рядом утверждений по шкале от 1 до 5, где 1 означает «абсолютно не согласен», а 5 – «абсолютно согласен».

1. *Гражданская идентичность* [2]. Данная шкала включает в себя 4 вопроса, при ответе на которые участники должны были выразить степень согласия с тем, насколько они ощущают себя гражданами страны, в которой проживают: «Я считаю себя гражданином России/Эстонии», «Я чувствую себя частью культуры России/Эстонии», «Я горд быть гражданином России/Эстонии», «Я счастлив быть гражданином России/Эстонии». Москвичи отвечали на вопросы о российской гражданской идентичности, таллинцы – об эстонской гражданской идентичности.

2. *Воспринимаемая угроза*. Здесь использовалась перекодированная шкала интегральной воспринимаемой безопасности Джона Берри [4], адаптированная на русскоязычной выборке [1]. Участникам предлагалось оценить степень согласия с 13-ю утверждениями, 5 из которых оценивают уровень воспринимаемой культурной угрозы со стороны мигрантов/этнических меньшинств, 4 утверждения – уровень воспринимаемой экономической угрозы, и ещё 4 утверждения – уровень воспринимаемой физической угрозы.

3. *Аккультурационные ожидания.* Для оценки данной шкалы использовалась методика измерения аккультурационных ожиданий Джона Берри [4], адаптированная на русскоязычной выборке [1]. Респондентам предлагалось оценить степень согласия с 12-ю утверждениями, где каждый из трёх видов аккультурационных ожиданий принимающего населения (интеграция, плавильный котёл, сегрегация) оценивался 4-мя утверждениями.

Результаты исследования и их интерпретация. Сравнение средних значений по шкалам

Для более детального понимания результатов исследования, которые прописаны далее, сначала хотелось бы остановиться на средних значениях по всем шкалам (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Сравнение средних значений переменных у москвичей и таллинцев
Comparison of the mean values of variables among Muscovites and Tallinn residents

Переменная	Москвичи (214 чел.)		Таллинцы (288 чел.)	
	Средние	Стандартное отклонение	Средние	Стандартное отклонение
Гражданская идентичность	3,17	1,05	4,56	0,59
Культурная угроза	3,03	0,67	2,10	0,96
Физическая угроза	3,02	0,86	1,70	0,79
Экономическая угроза	2,67	0,78	3,15	0,79
Мультикультурализм	3,77	0,87	4,52	0,58
Плавильный котёл	2,39	0,54	2,15	0,76
Сегрегация	2,52	0,72	2,09	0,59

В первую очередь хотелось бы отметить тот факт, что таллинцы довольно позитивно ощущают себя гражданами Эстонии. У москвичей позитивность гражданской идентичности ниже. Сравнивая различные виды угрозы, стоит отметить, что в целом москвичи больше ощущают угрозу со стороны мигрантов, нежели таллинцы со стороны русских как этнического меньшинства. Уровень культурной и физической угрозы у москвичей находится на среднем уровне, в то время как у таллинцев данные показатели ниже, а воспринимаемая физическая угроза почти полностью отсутствует. Можно сделать вывод о том, что эстонцы в меньшей степени, чем русские, считают, что мигранты могут представлять угрозу ценностям, традициям, а также здоровью и жизни населения, разумеется, учитывая различия в социокультурном контексте Эстонии и России. Однако по уровню экономической угрозы таллинцы находятся выше, т. е. они видят угрозу со стороны других групп именно в контексте экономики страны и занятости населения. Наконец,

сравнивая три вида аккультурационных ожиданий, следует отметить, что уровень интеграции находится на высоком уровне у обеих групп, т. е. обе этнические группы готовы принимать представителей других групп. При этом предпочтение интеграции у таллинцев немного выше, чем у москвичей. Обратная ситуация возникает в случае двух других аккультурационных ожиданий: ассимиляции и сегрегации. Предпочтение данных стратегий в большей степени выражено у москвичей, нежели у таллинцев, т. е. москвичи в большей степени готовы как принимать новых членов в своё общество, так и жить в параллельных сообществах, не соприкасаясь друг с другом.

Первичная проверка эффекта модерации воспринимаемой угрозы

Анализ эффекта модерации проводился при помощи регрессионного анализа, чтобы можно было оценить, каким образом гражданская идентичность напрямую влияет на аккультурационные ожидания, а также каким образом на эти связи влияет воспринимаемая угроза. Для проведения указанного типа анализа использовался внешний модуль Process ver. 3.5, встроенный в программу IBM SPSS, позволяющий статистически оценить, как сторонний показатель (воспринимаемая угроза) влияет на существующую взаимосвязь. Были построены различные модели влияния каждого вида воспринимаемой угрозы на взаимосвязь гражданской идентичности и трёх видов аккультурационных ожиданий. Базовая схема модерации изображена на рисунке 1. Эффект модерации в данной модели означает, что существует некое прямое влияние гражданской идентичности на аккультурационные ожидания, которое может коренным образом поменяться (усилиться или снизиться; поменять направление с «плюса» на «минус» и т. д.), если на неё влияет третий компонент (модератор) – воспринимаемая угроза.

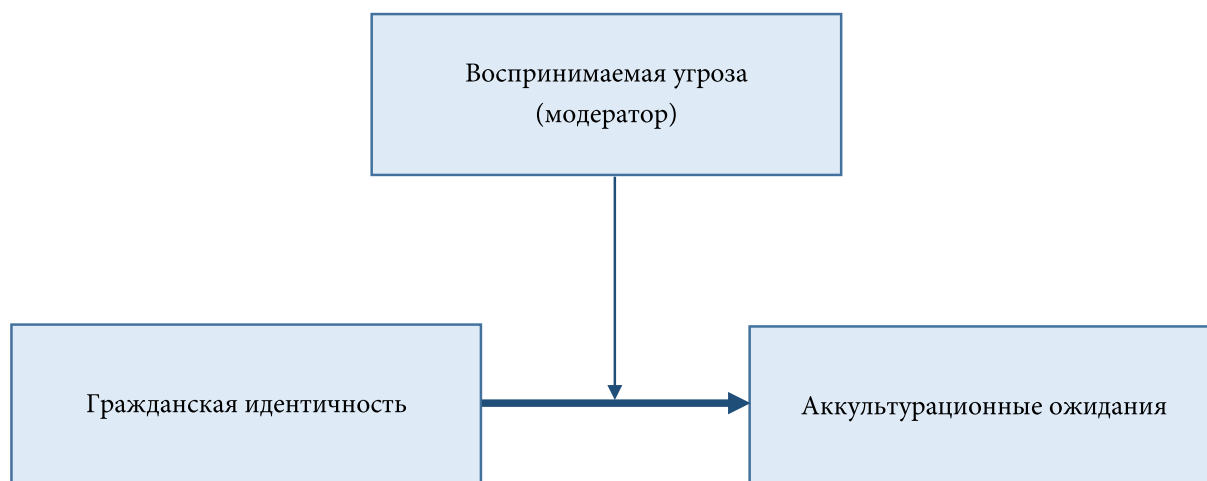

Рис. 1. Воспринимаемая угроза как модератор связи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий

Figure 1. Perceived threat as a moderator of the interrelation between civic identity and acculturation expectations

В таблицах 2 и 3 представлены основные результаты, где проверялась статистическая значимость каждой модели и влияния воспринимаемой угрозы.

Таблица 2 (Table 2)

Оценка статистической значимости эффекта модерации воспринимаемой угрозы во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий у москвичей

Assessment of the statistical significance of the effect of moderation of perceived threat in the interrelation between civic identity and acculturation expectations among Muscovites

Тип воспринимаемой угрозы	Тип аккультурационного ожидания (москвичи)				
	Интеграция				
	β гражданской идентичности	p1	β модерации воспринимаемой угрозы	p2	p модели
Культурная угроза (модель 1.1)	0,630**	0,003	-0,180**	0,009	0,020
Экономическая угроза (модель 1.2)	0,570***	0,000	-0,170*	0,052	0,008
Физическая угроза (модель 1.3)	0,370†	0,060	-0,100	0,110	0,041
Плавильный котёл					
Культурная угроза (модель 2.1)	0,020	0,860	-0,010	0,790	0,980
Экономическая угроза (модель 2.2)	0,070	0,570	-0,030	0,510	0,900
Физическая угроза (модель 2.3)	0,010	0,850	0,010	0,870	0,880
Сегрегация					
Культурная угроза (модель 3.1)	0,030	0,530	-0,030	0,560	0,740
Экономическая угроза (модель 3.2)	-0,040	0,930	-0,001	0,940	0,880
Физическая угроза (модель 3.3)	-0,090	0,800	0,030	0,870	0,130

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, p – уровень значимости.

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001, † – p<0,1 (уровень значимости на уровне тенденций).

Таблица 3 (Table 3)

Оценка статистической значимости эффекта модерации воспринимаемой угрозы во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий у таллинцев

Assessment of the statistical significance of the perceived threat moderation effect in the interrelation between civic identity and acculturation expectations among Tallinn residents

Тип воспринимаемой угрозы	Тип аккультурационного ожидания (таллинцы)				
	Интеграция				
	β гражданской идентичности	p1	β модерации воспринимаемой угрозы	p2	p модели
Культурная угроза (модель 1.4)	-0,130	0,570	0,060	0,410	0,100
Экономическая угроза (модель 1.5)	0,070	0,720	-0,010	0,870	0,920
Физическая угроза (модель 1.6)	0,100	0,490	-0,060	0,420	0,210
Плавильный котёл					
Культурная угроза (модель 2.4)	0,480	0,100	-0,150	0,130	0,230
Экономическая угроза (модель 2.5)	-0,660*	0,011	0,220**	0,004	0,028
Физическая угроза (модель 2.6)	0,270	0,140	-0,100	0,270	0,420
Сегрегация					
Культурная угроза (модель 3.4)	0,080	0,740	-0,020	0,780	0,970
Экономическая угроза (модель 3.5)	-0,050	0,810	0,020	0,710	0,044
Физическая угроза (модель 3.6)	-0,360*	0,014	0,210**	0,003	0,017

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, p – уровень значимости.

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001.

Интеграция

В первую очередь стоит отметить, что влияние воспринимаемой угрозы в выборке москвичей проявилось только в моделях, где аккультурационным ожиданием была интеграция. В моделях 1.1–1.2 видно, что чем более позитивно москвичи себя воспринимают гражданами страны, тем более положительно они относятся к интеграции мигрантов в общество. В модели 1.3 данная связь также прослеживается, но лишь на уровне тенденций. Также мы видим, что если москвичи чувствуют угрозу со стороны мигрантов, то они чаще отказываются от их интеграции в общество. В выборке таллинцев (модели 1.4–1.6) воспринимаемая угроза не проявилась совсем. В целом это можно объяснить уровнем гражданской

идентичности, который у таллинцев выше (4,56; std. откл. ,59), чем у русских (3,17; std. откл. 1,05). Более того, уровень стандартного отклонения по данному компоненту у таллинцев показывает, что разброс по уровню гражданской идентичности очень маленький. Иными словами, преобладающее большинство таллинцев позитивно воспринимают себя гражданами Эстонии. На русскоязычной выборке данный разброс гораздо выше.

Плави́льный котёл

В моделях 2.1–2.3 можно увидеть, что у москвичей нет связи между позитивностью гражданской идентичности и желанием ассимилировать мигрантов в своё общество. Рассматривая эстонскую выборку, мы видим, что здесь влияние оказывает только воспринимаемая экономическая угроза (модель 2.5). При этом довольно интересно, что чем более позитивно таллинцы ощущают себя гражданами страны, тем в меньшей степени они готовы принять русских в своё общество. Однако уровень воспринимаемой угрозы экономике страны резко меняет эту связь, повышая готовность ассимилировать русских в своё общество.

Сегрегация

В данном случае у русских (модели 3.1–3.3) снова не прослеживается никакого влияния воспринимаемой угрозы. Однако же у эстонцев срабатывает модель 3.6. Здесь можно увидеть, что чем более позитивно таллинцы чувствуют себя гражданами страны, тем меньше они хотят, чтобы русскоязычное меньшинство существовало отдельно. Влияние воспринимаемой физической угрозы всё меняет и ведёт к тому, что контакты таллинцев с русскими становятся более редкими и менее предпочтительными. Таким образом, жизнь таллинских эстонцев и русских может в этом случае проходить в параллельных обществах, изолированных друг от друга.

В итоге можно сказать, что у москвичей воспринимаемая угроза оказала негативное влияние только на предпочтение стратегии «интеграции» со стороны мигрантов. Согласно теории социальной идентичности [19], это может быть связано с тем, что при более высоком уровне ассоциирования себя частью российского гражданского общества в меньшей степени проявляется и воспринимаемая угроза со стороны мигрантов. Интеграция подразумевает жизнь в одном обществе, где не происходит как такового деления на своих и чужих. В случае же таллинцев уровень гражданской идентичности оказывается примерно на одном довольно высоком уровне (4,56; см. табл. 1), а потому влияние воспринимаемой угрозы в контексте интеграции оказывается несущественным. Таким образом, воспринимаемая угроза оказалась модератором у москвичей, однако не проявилась у таллинцев.

У москвичей влияние гражданской идентичности на «плави́льный котёл» и «сегрегацию» не проявляется. В выборке таллинцев, однако, можно наблюдать, что высокий уровень воспринимаемой экономической угрозы ведёт к «плави́льному котлу», а высокий уровень физической угрозы – к «сегрегации». Такие различия в результатах могут быть из-за

того, что у таллинцев мы измеряем, по сути, различия между высоким уровнем гражданской идентичности и очень высоким, тогда как гражданская идентичность у москвичей гораздо более размыта. В случае экономической угрозы таллинцы стремятся снизить её через ассимиляцию («плавильный котёл») русских в своё общество, при этом другая группа полностью перенимает культуру доминирующей группы. В случае же физической угрозы можно увидеть взаимосвязь с «сегрегацией», в случае которой ожидается, что русскоязычное меньшинство будет существовать отдельно. Таким образом, можно сказать, что эффект модерации проявился только в выборке таллинцев, у москвичей данный эффект не был найден.

Из данных таблиц можно увидеть, что значимые связи показали лишь 5 моделей, на которых мы более подробно остановимся.

Анализ статистически значимых моделей с присутствующим эффектом модерации воспринимаемой угрозы

В таблице 4 расписано, каким образом происходит изменение влияния гражданской идентичности на три вида аккультурационных ожиданий в зависимости от уровня воспринимаемой угрозы. Данная таблица является основной при рассмотрении эффекта модерации, однако для более понятного анализа каждая из пяти моделей будет рассмотрена отдельно с добавлением визуализации данных.

Таблица 4 (Table 4)

Воспринимаемая угроза как модератор связи гражданской идентичности и трёх видов аккультурационных ожиданий принимающего населения
Perceived threat as a moderator of the connection between civic identity and the three types of acculturation expectations of the host population

Тип воспринимаемой угрозы	Москвичи			
	Интеграция			
	β	SE	p	p модерации
Культурная угроза (модель 1.1)				
2,35	0,21***	0,08	0,007	0,009
3,00	0,09	0,06	0,110	
3,75	-0,04	0,08	0,600	
Экономическая угроза (модель 1.2)				
2,00	0,21***	0,07	0,003	0,005
2,50	0,10*	0,06	0,021	
3,50	-0,07	0,07	0,599	
Физическая угроза (модель 1.3)				
2,00	0,18*	0,09	0,047	0,109
3,00	0,08	0,06	0,154	
4,00	-0,01	0,08	0,851	

Продолжение таблицы 4

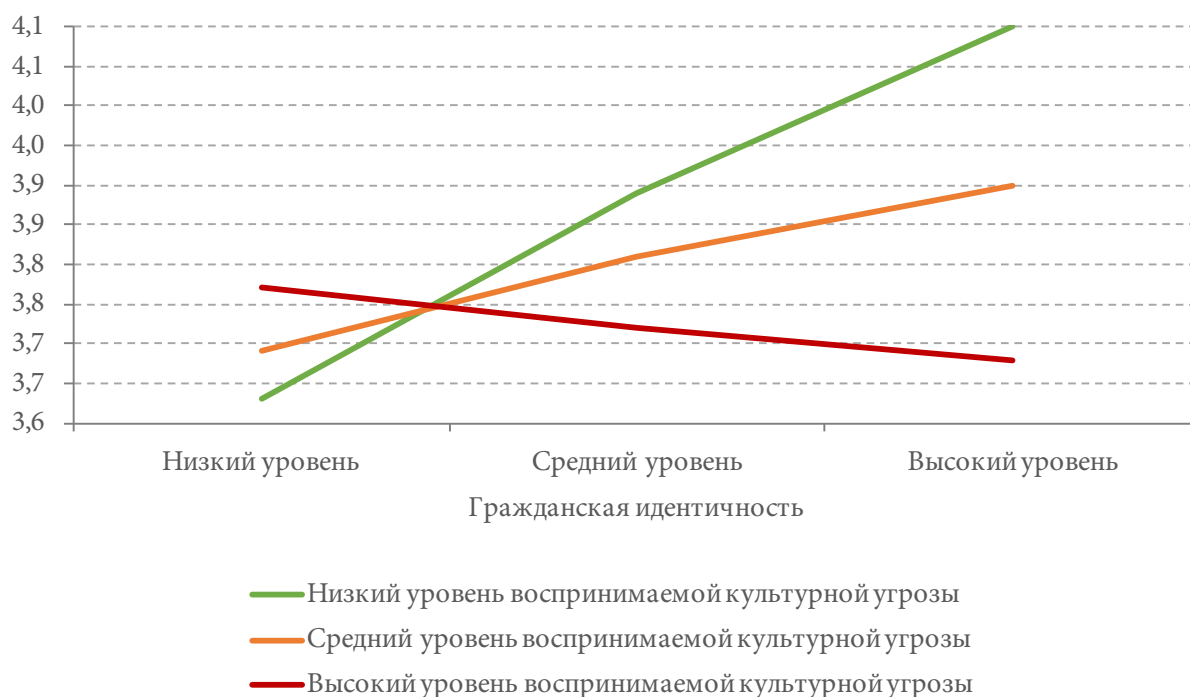
Тип воспринимаемой угрозы	Таллинцы			
	Плавильный котёл			
	β	SE	p	p модерации
Экономическая угроза (модель 2.5)				
2,50	-0,09	0,09	0,293	0,004
3,00	0,02	0,07	0,827	
4,00	0,24*	1,00	0,012	
Сегрегация				
Физическая угроза (модель 3.6)				
1,00	-0,15	0,09	0,094	0,003
2,00	0,06	0,06	0,306	

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартное отклонение, p – уровень значимости.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Модель 1.1

На рисунке 2 показано, что уровень воспринимаемой культурной угрозы вполне определённым образом меняет взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции».

Рис. 2. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой культурной угрозы

Figure 2. The interrelation between civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived cultural threat

При низком уровне воспринимаемой культурной угрозы гражданская идентичность в большей степени предсказывает предпочтение «интеграции» мигрантов в своё общество, чем в случае среднего уровня

угрозы. При высоком уровне угрозы возникает, пусть и небольшая, но отрицательная взаимосвязь между гражданской идентичностью и «интеграцией». Примечательно, что при низком уровне гражданской идентичности воспринимаемая угроза почти никак не влияет на предпочтение «интеграции». При среднем и высоком уровнях гражданской идентичности эффект модерации воспринимаемой культурной угрозы становится выраженным.

Таким образом, можно сказать, что чем меньше москвичи ощущают угрозу своей культуре и чем более позитивно их гражданское самощущение, тем в большей степени они готовы жить в одном обществе с другой группой. Если же уровень культурной угрозы возрастает до среднего уровня, готовность интегрировать мигрантов становится немного ниже. Наконец, в случае высокого уровня воспринимаемой угрозы для культуры своей группы, предпочтение «интеграции» полностью исчезает.

Модель 1.2

На рисунке 3 можно наблюдать, что воспринимаемая экономическая угроза имеет примерно схожий механизм влияния, как и культурная угроза. При низком уровне угрозы с ростом уровня гражданской идентичности растёт и предпочтение «интеграции». В случае же низкого уровня угрозы предпочтение интеграционной стратегии становится ниже с изменением уровня гражданской идентичности. При высоком уровне воспринимаемой угрозы в обоих случаях взаимосвязь становится отрицательной.

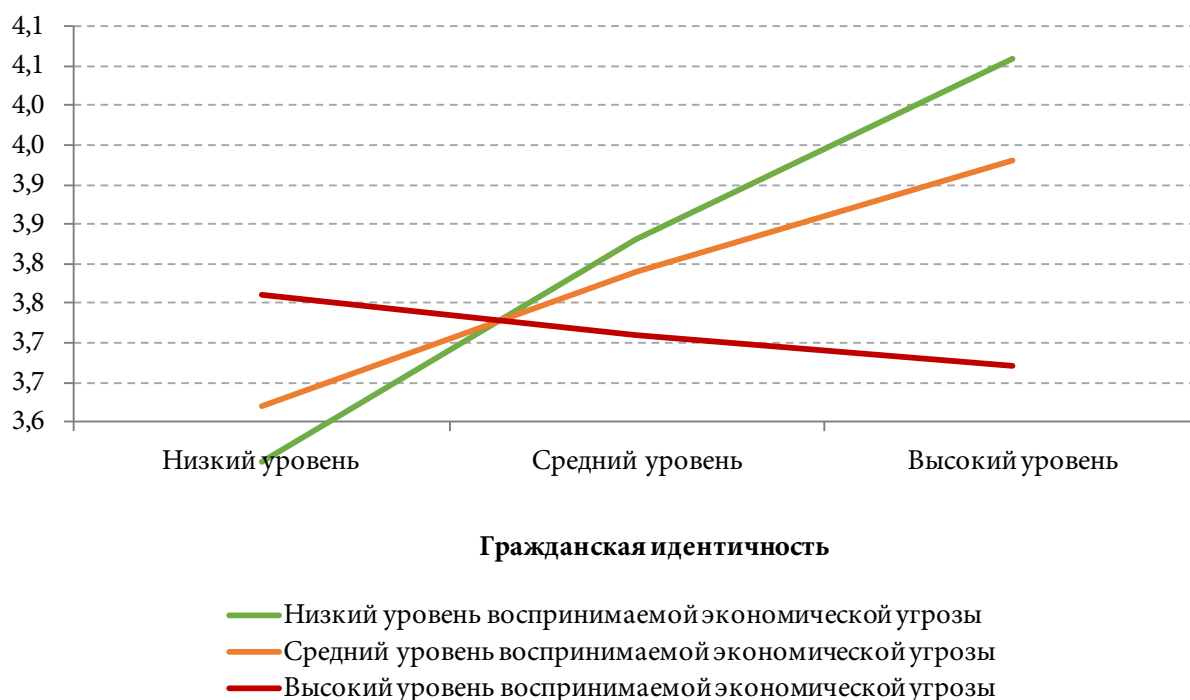

Рис. 3. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой экономической угрозы

Figure 3. The interrelation of civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived economic threat

Таким образом, чем меньше угроза экономическому статусу русских, а также чем в большей степени русские позитивно ощущают свою принадлежность государству, тем вероятнее они будут готовы интегрировать мигрантов в своё общество. Если же экономическая угроза оказывается на высоком уровне, то предпочтение «интеграции» исчезает так же, как и в случае с высоким уровнем культурной угрозы.

Модель 1.3

На рисунке 4 также изображена модель, где медиатором оказалась воспринимаемая физическая угроза. В этой модели связи прослеживаются лишь на уровне тенденций, однако для полноты картины данная модель тоже будет рассмотрена.

Как видим, данный вид воспринимаемой угрозы работает примерно сходным образом с экономической и культурной угрозами. При низком уровне угрозы с ростом гражданской идентичности растёт и предпочтение «интеграции», но при снижении данного вида угрозы предпочтение «интеграции» падает.

Следовательно, можно сказать, что чем ниже ощущается угроза жизни и здоровью русских, тем в большей степени при росте гражданской идентичности люди готовы жить в мультикультурной среде с другой группой. В случае физической угрозы изменения в выборе стратегии «интеграции» менее явные, чем в случае других двух угроз. Можно предположить, что в контексте интеграции русские больше обращают внимание на угрозу экономике и культуре, нежели физической безопасности.

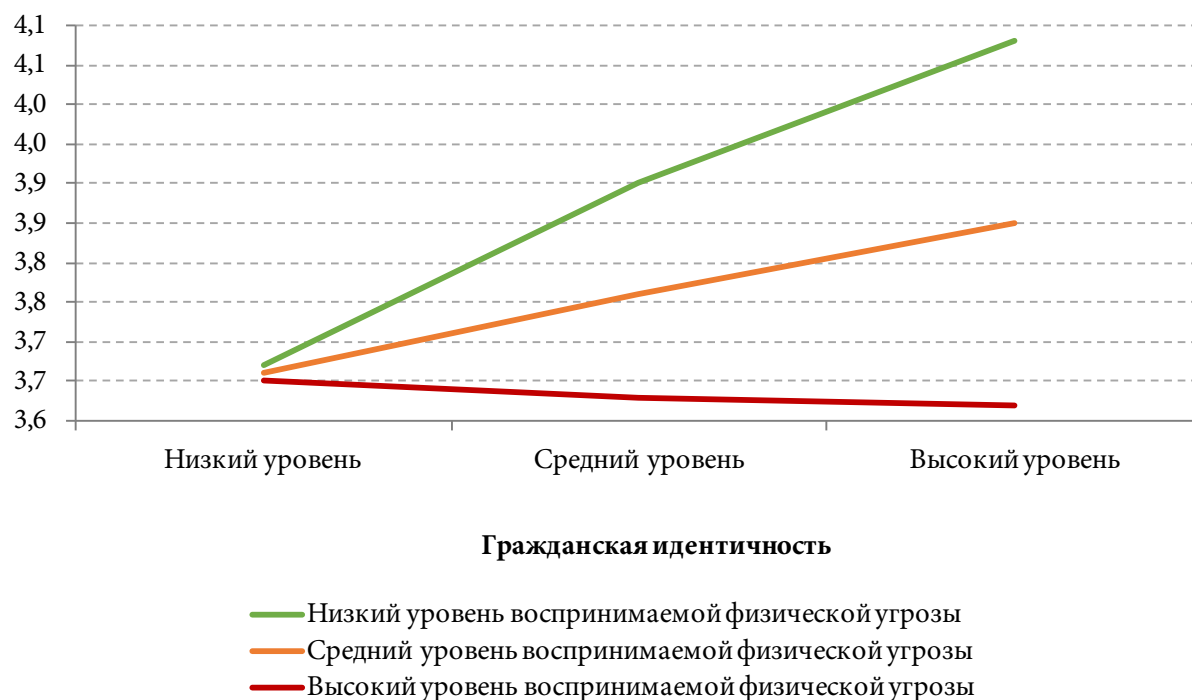

Рис. 4. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой физической угрозы

Figure 4. The interrelation of civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived physical threat

Модель 2.5

Теперь рассмотрим первую модель, показавшую статистическую значимость у эстонцев. На рисунке 5 можно увидеть, что высокий уровень воспринимаемой экономической угрозы с ростом гражданской идентичности ведёт к выраженному предпочтению «плавильного котла». Низкий уровень меняет данную взаимосвязь с точностью до наоборот. При среднем уровне экономической угрозы в целом гражданская идентичность почти никак не влияет на выбор «плавильного котла».

Итак, можно сказать, что если эстонцы видят угрозу экономическому благополучию граждан, то с ростом позитивного отношения к принадлежности гражданскому обществу эстонцы в большей степени ждут ассимиляции и принятия своей культуры от русского этнического меньшинства.

Довольно интересным моментом является градация уровня гражданской идентичности на рисунках 4 и 5. В русскоязычной выборке (рис. 4) уровень гражданской идентичности варьирует в анализе от 2 до 4,5, охватывая и низкий, и средний, и высокий уровни выраженности. В случае эстонцев (рис. 5) мы видим, что гражданская идентичность меняется от значения 4 до значения 5, т. е. от высокого уровня к очень высокому. Это дополнительно иллюстрирует факт того, что уровень позитивности гражданской идентичности у эстонцев в среднем значительно выше, чем у русских.

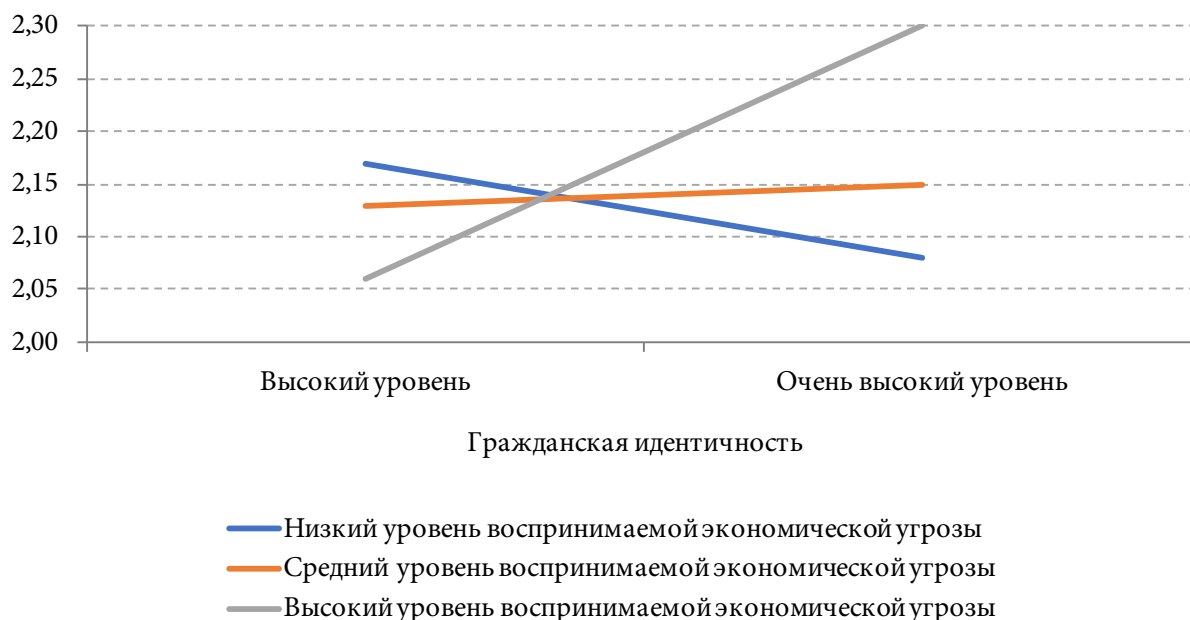

Рис. 5. Взаимосвязь гражданской идентичности и «плавильного котла» у таллинцев с различным уровнем воспринимаемой экономической угрозы

Figure 5. The interrelation between civic identity and the “melting pot” among Tallinn residents with different levels of perceived economic threat

Модель 3.6

Наконец, рассмотрим модель, где модератором оказывается физическая угроза. На рисунке 6 видим, что уровень физической угрозы оказывается в целом довольно низким и варьируется от единицы до двух. Иными словами, от полного отсутствия физической угрозы до низкого уровня её присутствия.

В данной ситуации при отсутствии воспринимаемой угрозы предпочтение сегрегации становится ниже с ростом гражданской идентичности. Если же физическая угроза начинает слегка проявляться на низком уровне, то появляется некоторая тенденция к предпочтению «сегрегации».

Следовательно, можно сказать, что у эстонцев в случае опасности жизни и здоровью проявляется стремление не контактировать с другим обществом и не принимать членов другой группы в свои ряды, что напрямую связано с ростом позитивного ощущения принадлежности к гражданскому обществу.

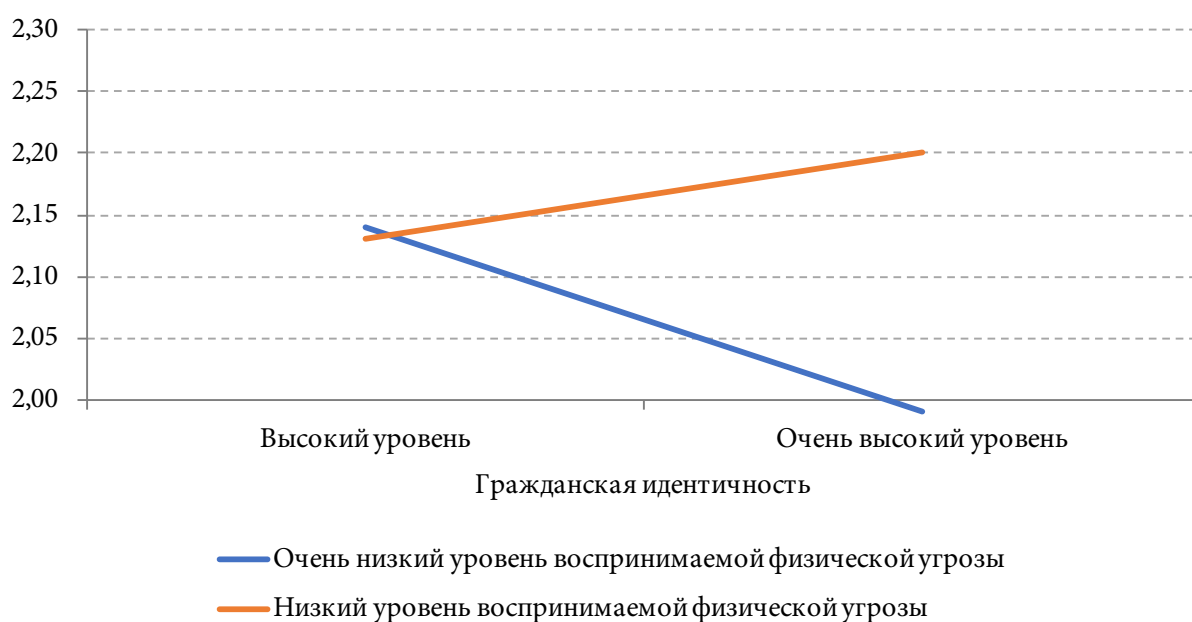

Рис. 6. Взаимосвязь гражданской идентичности и «сегрегации» у таллинцев с различным уровнем воспринимаемой физической угрозы

Figure 6. Interrelation of civic identity and “segregation” among Tallinn residents with different levels of perceived physical threat

Заключение

Таким образом, мы можем сказать, что модерационная роль воспринимаемой угрозы действительно оказалась различной в разных контекстах: у москвичей по отношению к мигрантам и у таллинцев по отношению к русским как этническому меньшинству. Воспринимаемая угроза частично выступила модератором в связи гражданской идентичности

с «интеграцией» на примере русскоязычной выборки, на эстонскоязычной же выборке воспринимаемая угроза не оказала никакого влияния. Согласно теории социальной идентичности [19], можно предположить, что в случае высокого уровня позитивности гражданской идентичности воспринимаемая угроза не должна иметь никакой роли во взаимосвязи гражданской идентичности и интеграции, т. к. в этом случае общество является одним целым. Следовательно, оказывается логичным тот факт, что воспринимаемая угроза оказалась модератором только на выборке москвичей, т. к. у них уровень гражданской идентичности ранжируется от низкого до высокого. У таллинцев же уровень исключительно высокий.

При этом эффект модерации воспринимаемой угрозы, где аккультурационными ожиданиями выступили «плавильный котёл» и «сегрегация», частично подтвердился только на выборке таллинцев. Данные два аккультурационных ожидания отличаются от интеграции тем, что в их случае принимающее население не хочет воспринимать культуру другой группы. В случае же «плавильного котла» другая группа отказывается от своей культуры, перенимая новую, а в случае «сегрегации» другая группа должна жить в параллельном обществе, не соприкасаясь с принимающим населением.

Практическая значимость данного исследования может быть в развитии миграционной или интеграционной политики. Понимание того, что экономическая угроза является фактором, который может влиять на отчуждение русскоязычного населения в Таллине, может поспособствовать созданию и развитию направлений в контексте занятости населения как эстонцев, так и русских. Кроме того, на примере Таллина мы можем увидеть, что экономическая угроза никак не связана с возможной интеграцией населения. В случае же ситуации, происходящей в Москве, результаты показывают, что различные виды воспринимаемой угрозы связаны с вопросами интеграции мигрантов в общество, но никак не влияют на полное принятие мигрантов в своё общество или на их отчуждение.

Итак, для будущих исследований важно, какую роль выполняет угроза в зависимости от контекста. В первом случае воспринимаемая угроза со стороны мигрантов может оказывать влияние на ожидания «интеграции» принимающего населения со стороны мигрантов. Случай же, когда воспринимаемая угроза оказывается со стороны этнических меньшинств, которые не воспринимаются мигрантами, а проживают на одной территории не одно поколение, несколько иной. В этой ситуации воспринимаемая угроза может влиять не на «интеграционные» ожидания, а на ожидания, когда этническое меньшинство либо живёт отдельно («сегрегация»), либо становится частью принимающего сообщества («плавильный котёл»). Однако для проверки данных предположений следует существенно увеличить выборку, где будут не только представители одного региона страны, как, например, москвичи или таллинцы, но и представители других регионов со схожей ситуацией взаимодействия с другими этническими группами.

На мой взгляд, можно значительно увеличить русскоязычную и эстонскую выборки, разделив их условно на три части: с высоким, средним и низким уровнем идентичности. В случае российского общества эта задача видится реальной, однако в случае эстонского общества, учитывая довольно высокий уровень его гражданской идентичности, данная задача кажется трудновыполнимой, но интересной.

В будущем планируется сравнение результатов других предикторов аккультурационных ожиданий между различными группами в иных странах с дальнейшим анализом роли воспринимаемой угрозы.

Библиографический список

1. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 336–375.

2. Татарко. А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.

3. Berry J. W. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition / Berry J. W., Phinney L. S., Sam D. L., Vedder P. (eds.). N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.

4. Berry J. W. Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS) // URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips> (дата обращения: 20.04.2021).

5. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 72. P. 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002

6. Caricati I. Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 66. P. 41–51. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005

7. Dimitrova R., Bender M., Chasiotis A., van der Vijver F. Ethnic identity and acculturation of Turkish-Bulgarian adolescents // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. № 4. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.005

8. Jubran H., Horenczyk G., Benet-Martinez V. Profiles of Multicultural Identity and Integration in a Conflictual Context // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 77. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.001.

9. Leong C., Komisarof A., Dandy j., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us”? Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 78. P. 10–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.04.006

10. Louis V., Esses V., Lalonde R. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada // *Journal of Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 156–165.
11. Mangum M. Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race // *Social Science Research*. 2019. Vol. 83. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002
12. Montreuil A., Bourhis R. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2004. Vol. 28. P. 507–532. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.01.002
13. Nimmerfeldt G. Identificational integration of second-generation Russians in Estonia // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 25–35.
14. Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Morrocans and Romanians // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 75. P. 10–22. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001
15. Schwartz S. J., Vignoles V. L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context // V. Benet-Martínez, Y.-Y. Hong (Eds.). *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity*, New York: Oxford University Press. 2014. P. 57–93.
16. Steffens M. C., Reese G., Ehrke F., Jonas K. J. When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. № 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0178738
17. Stephan W. G., Stephan C. W. *An Integrated Threat Theory of Prejudice* // S. Oskamp (Eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 225–246.
18. Stephan W. G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. № 9. P. 1242–1254.
19. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 276–293.
20. Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30. No 4. P. 271–280.
21. Vetik R. & Helemäe J. *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia*. Amsterdam University Press, 2011. 250 p.
22. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. Vol. 68. P. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001

23. Yoo C. Acculturation strategies of multi-cultural family adolescents in South Korea: Marginalization, separation, assimilation and integration // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 81. P. 9–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.011

Статья поступила 25.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Родионов Гермоген Ярославович, аспирант, Центр социокультурных исследований, департамент психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Civic Identity and Acculturation Expectations of Muscovites and Tallinn Residents: The Role of Perceived Threat

This article is an output of a research project implemented as part of Basic Research Program at National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Germogen Y. Rodionov

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

E-mail: grodionov@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-1113-1810

For citation: Rodionov G. Y. Civic identity and acculturation expectations of Muscovites and Tallinn residents: the role of perceived threat. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

Abstract. Currently, Russia ranks fourth in terms of the influx of migrants (officially, their number in the country is 12 million), with most of them concentrated in Moscow. In Estonia, the influx of migrants is significantly lower, however, after the collapse of the USSR, quite a lot of Russians ended up in the status of an ethnic minority. At the moment they make up almost a quarter of the population of Estonia (the total number is more than 300 thousand people). This study examines the role of perceived threat as a moderator of the link between civic identity and acculturation expectations in two different ethnic groups in two different countries. The aim of the study is to provide the answers to the questions: What role does perceived threat play in the relationship between civic identity and the acculturation expectations of the host population? Is the perceived threat a moderator? What are the differences in the role of the perceived threat in different contexts: from Muscovites (ethnic Russians) to migrants and from Tallinn residents (ethnic Estonians) to Russians who are an ethnic minority? This study was conducted using an online socio-psychological survey. The responses of the survey participants determined the level of civic identity, perceived threat and acculturation expectations. The sample consisted of 214 ethnic Russians living in Moscow and 288 ethnic Estonians living in Tallinn. The results of the study showed that the perceived threat is a moderator of the connection between civic identity and integration among Muscovites. It is significant that here the cultural and economic threat became the moderator, and the physical threat turned out to be significant only at the level of tendencies. For Tallinn residents, the perceived economic threat turned out to be a moderator of the link between civic identity and the “melting pot”, and the physical threat – a moderator of civic identity and “segregation.” Thus, the cultural threat did not show any influence among Tallinn residents. It should be noted that the moderation effect worked differently in each group. For Muscovites, the perceived threat was associated with integration attitudes. In Tallinn, it has shown links with two strategies that imply a complete lack of integration.

Keywords: civic identity, perceived threat, acculturation, acculturation expectations, migration, Russia, Estonia

References

1. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Sravnitel'nyy analiz strategiy vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii v Moskve i Stavropol'skom krae. [Comparative analysis of the strategies between migrants and the population of Russia in Moscow and The Stavropol]. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii*. Ed. by N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. Moscow: RUDN publ., 2009: 336–375. (in Russ.)
2. Tatarko A. Socialno-psixologicheskij kapital lichnosti v polikulturnom obshchestve [Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society]. Moscow, Institut Psikhologii RAN, 2014: 384. (in Russ.)
3. Berry J. W. Contexts of Acculturation. *Immigrant Youth in Cultural Transition*. Berry J. W., Phinney L. S., Sam D. L., Vedder P. (eds.). New York, Lawrence Erlbaum Associates, 2006: 27–42.
4. Berry J. W. Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS). URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips>
5. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 72: 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002
6. Caricati I. Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018: 66: 41–51. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005
7. Dimitrova R., Bender M., Chasiotis A., van der Vijver F. Ethnic identity and acculturation of Turkish-Bulgarian adolescents. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013: 37: 4: 1–10. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.005.
8. Jubran H., Horenczyk G., Benet-Martinez V. Profiles of Multi-cultural Identity and Integration in a Conflictual Context. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 77: 1–12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.001.
9. Leong C., Komisarof A., Dandy J., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us”? Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 78: 10–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.04.006.
10. Louis V., Esses V., Lalonde R. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada. *Journal of Applied Social Psychology*, 2013: 43: 156–165.
11. Mangum M. Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race. *Social Science Research*, 2019: 83. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002.
12. Montreuil A., Bourhis R. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 2004: 28: 507–532. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.01.002.
13. Nimmerfeldt G. Identificational integration of second-generation Russians in Estonia. *Studies of Transition States and Societies*, 2009: 1: 1: 25–35.
14. Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Morrocans and Romanians. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 75: 10–22. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001.
15. Schwartz S. J., Vignoles V. L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context. V. Benet-Martinez, Y.-Y. Hong (Eds.) Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity, New York: Oxford University Press, 2014: 57–93.
16. Steffens M. C., Reese G., Ehrke F., Jonas K. J. When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE*, 2017: 12: 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0178738.
17. Stephan W. G., Stephan C. W. An Integrated Threat Theory of Prejudice. S. Oscamp (Eds.). Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000: 225–246.

18. Stephan W. G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002: 28: 9: 1242–1254.
19. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, & W. G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986: 276–293.
20. Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 1993: 30: 4: 271–280.
21. Vetik R., Helemäe J. The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia. Amsterdam University Press, 2011: 250.
22. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal. *International Journal of Intercultural Relations*, 2019: 68: 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001
23. Yoo C. Acculturation strategies of multi-cultural family adolescents in South Korea: Marginalization, separation, assimilation and integration. *International Journal of Intercultural Relations*, 2021: 81: 9–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.011.

The article was submitted on April 25.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Germogen Y. Rodionov, postgraduate student at the Center for Sociocultural Research and Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia